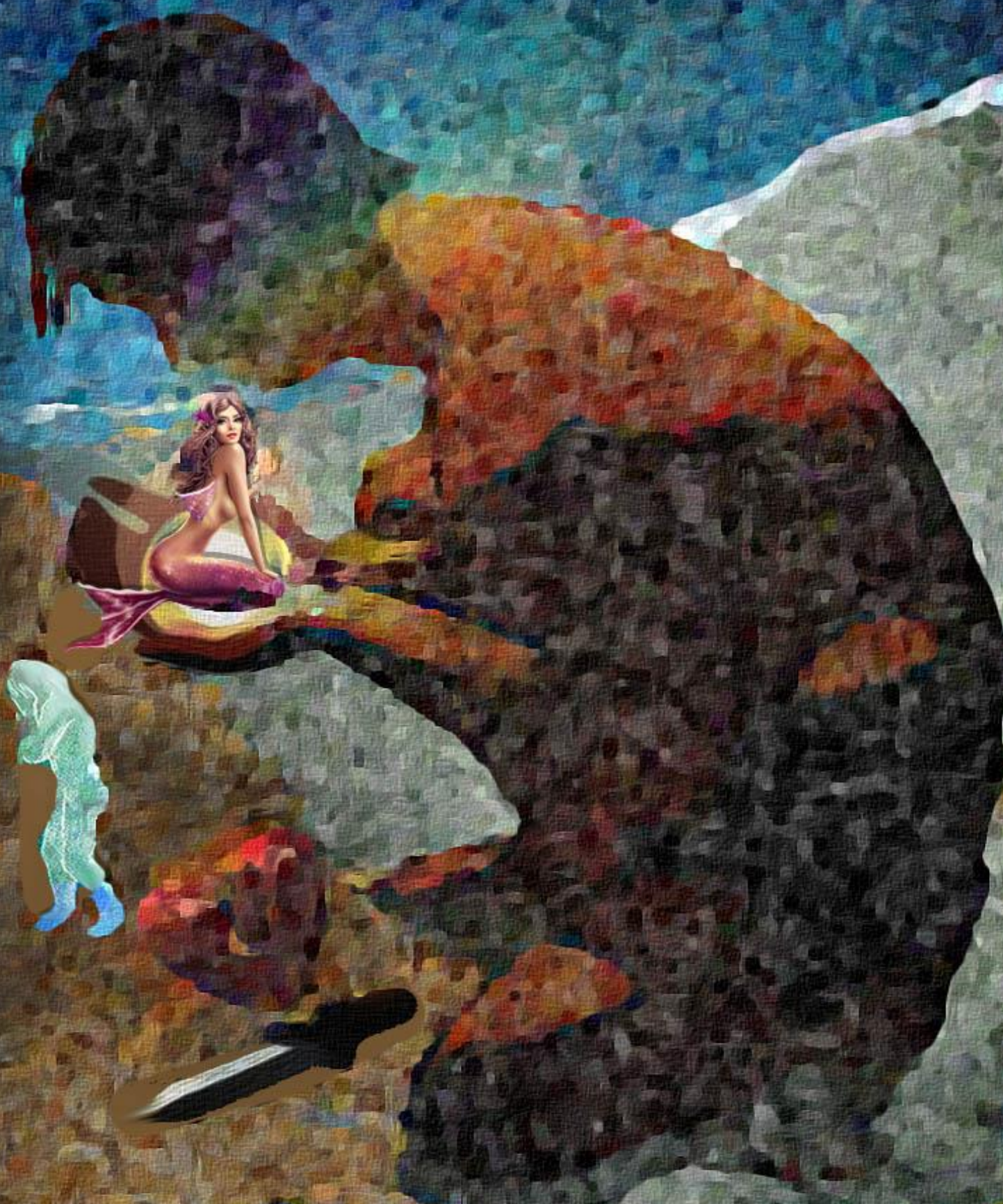

Оскар Уайльд РЫБАК И ЕГО ДУША

проект «Жемчужное царство»

Сборник произведений о жемчуге. / Некоммерческая библиотека Галактического Ковчега, кол-во стр.70, 2021 г. Дизайн обложки, текста – Ирины Соколовой. Иллюстрации в сказке (стр. 6, 7, 69) – Пэдди О'Брайен (Марии Тихомировой).

Когда вас настигает любовь, вы теряете разум. Перед вами небольшая история о самом важном. Сказка Оскара Уайльда «Рыбак и его душа» в переводе Корнея Чуковского.

Оскар Уайльд (1854-1900), полное имя Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд, – английский философ, эстет, писатель, поэт ирландского происхождения. Один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода. Лондонский денди, позднее осуждённый за «непристойное поведение» и после двух лет тюрьмы и исправительных работ уехавший во Францию, где жил в нищете и забвении под другим именем. Известен своими пьесами, полными парадоксов и афоризмов, а также романом «Портрет Дориана Грея» (1891).

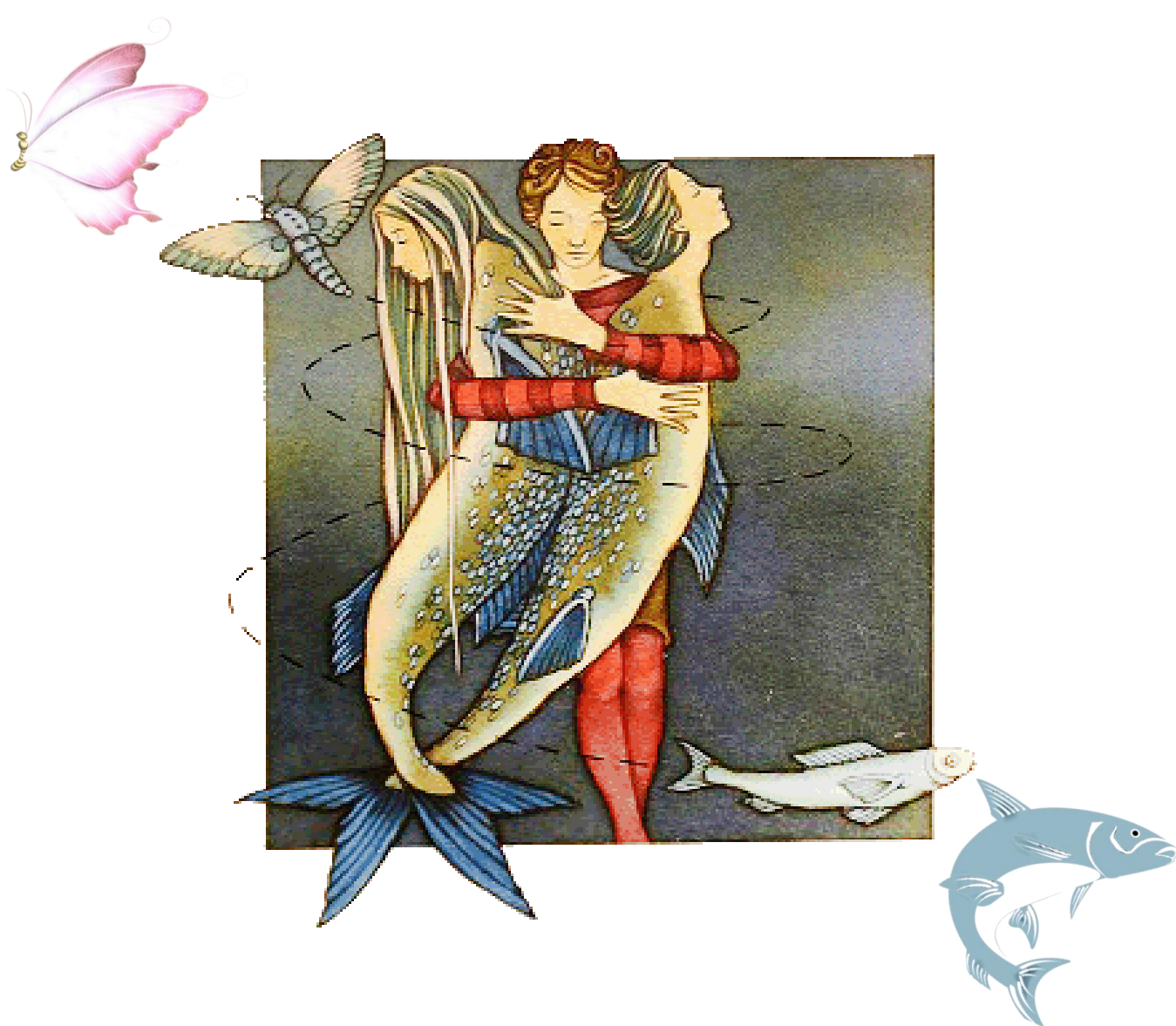
Сказки Оскара Уайльда не предназначены детям – они не смогут полностью оценить красоту и философский подтекст, а взрослые редко читают подобные произведения, поэтому «Рыбак и его Душа» не пользуется популярностью у наших современников.

РЫБАК И ЕГО ДУША

Оскар Уайльд

Вступление

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и забрасывал в море сети. И вот однажды попалась в них Дева морская. Прекрасна была она, и песни её были чудесны. Полюбил юный Рыбак единственную дочь Морского царя, но не согласилась та быть его женой, покуда есть у Рыбака человечья душа. Во имя любви рыбак отказался от своей Души. Его поступок испугал и священника, и даже юную рыжую Колдунью, служащую Чёрному господину. Только купцам Душа оказалась ненужной, лишней в их процветающем бизнесе. Юноше бы задуматься, но слишком прекрасна Морская дева.

Сжигающее чувство словно отняло разум, как всепоглощающее Искусство, заставило расстаться с Душой, но оставить себе сердце, полное любви. И

настали для юноши дни безграничного счастья в пучине морской.

А как же Душа? Несмотря на слёзы и уговоры, не получив сердца, в котором жила, она так и ушла бродить по свету неприкаянная, в надежде найти то, что вернет её бывшему владельцу, давшему обещание раз в год выплывать к ней на берег. Многие увидела Душа Рыбака в своих путешествиях, ещё большего достигла, поняла, что лишь искушением можно завлечь юношу, заставить его вернуться на землю, а там, глядишь, и впустить её обратно в свое сердце.

В первый год предложила Душа рыбаку всю мудрость земную, но тщетны были уговоры – выбрал он любовь Морской девы. Во второй – во имя любви отказался от несметных богатств. И лишь рассказ о ногах прекрасной танцовщицы нагнал на влюбленного тень сомнения, ведь у Морской девы хвост вместо ног и она не может танцевать. Но не вернул он в себя свою чистую Душу, в отрыве от сердца почернела она и стала злой, готовой на самые страшные преступления.

К ужасу своему узнал Рыбак, что не все в жизни можно исправить, прошлого не вернуть. Есть только один способ исцелить Душу – вернуть её в сердце, но оно так окутано любовью, что проникнуть в него невозможно. А жить по-прежнему уже не получится и виноват в этом только он сам, ведь не может существовать Душа без сердца, а сердце – без любви. Часто в жизни людям, особенно связанным с творчеством, приходится делать выбор, последствия которого необратимы...

Те, кто видит различие между душой и телом, не имеют ни тела, ни души

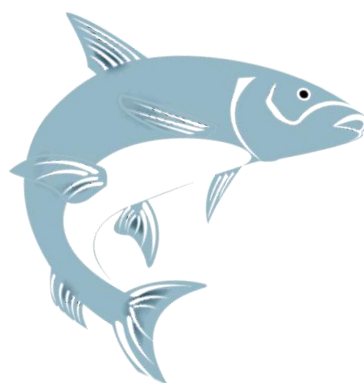
Оскар Уайльд, "Заветы молодому поколению"

РЫБАК И ЕГО ДУША

Оскар Уайльд

Переводчик: Корней Чуковский

*Я знаю, море, что ты читаешь мои стихи.
Я знаю, море, что ты считаешь, что мы враги.
Я знаю, море, тебе сказали, что жизнь глупа.
Я знаю трудно коснуться неба, хоть раз упав.*

*Но в этих волнах лишь соль и горечь, тоска и ночь,
волна за волной ты любого гонишь, от сердца
прочь...*

*Смываешь знаки, стираешь грани, влечёшь на дно.
Кровавым вечером, сонной ранью – всегда одно...*

*Как рот распахнутый до предела – воды изгиб,
всё время алчешь и в недрах прячешь – людей и рыб.
Тепла не знаешь, лишь отражаешь следы огней.
Твоя вода не излечит жажды,
но, может быть ты поймёшь однажды, что я
сильней.*

© Наталья Пискунова

Эмбиент-опера по мотивам Оскара Уайльда

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и забрасывал в море сети.

Когда ветер был береговой, у Рыбака ничего не ловилось или ловилось, но мало, потому что это злобный ветер, у него черные крылья, и буйные волны вздымаются навстречу ему. Но когда ветер был с моря, рыба поднималась из глубин, сама заплывала в сети, и Рыбак относил ее на рынок и там продавал ее.

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю, и вот однажды такую тяжелою показалась ему сеть, что трудно было поднять ее в лодку. И Рыбак, усмехаясь, подумал:

"Видно, я выловил из моря всю рыбу, или попалося мне, на удивление людям, какое-нибудь глупое чудо морское, или моя сеть принесла мне такое страшилище, что великая наша королева пожелает увидеть его".

И, напрягая силы, он налег на грубые канаты, так что длинные вены, точно нити голубой эмали на бронзовой вазе, означились у него на руках. Он потянул тонкие бечевки, и ближе и ближе большим кольцом подплыли к нему плоские пробки, и сеть, наконец, поднялась на поверхность воды.

Но не рыба оказалась в сети, не страшилище, не подводное чудо, а маленькая Дева морская, которая крепко спала.

Ее волосы были подобны влажному золотому руну, и каждый отдельный волос был как тонкая нить из золота, опущенная в хрустальный кубок. Ее белое тело было как из слоновой кости, а хвост жемчужно-

серебряный. Жемчужно-серебряный был ее хвост, и зеленые водоросли обвивали его. Уши ее были похожи на раковины, а губы – на морские кораллы. Об ее холодные груди бились холодные волны, и на ресницах ее искрилась соль.

Так прекрасна была она, что, увидев ее, исполненный восхищения юный Рыбак потянул к себе сети и, перегнувшись через борт челнока, охватил ее стан руками. Но только он к ней прикоснулся, она вскрикнула, как испугнутая чайка, и пробудилась от сна, и в ужасе взглянула на него аметистово-лиловыми глазами, и стала биться, стараясь вырваться. Но он не отпустил ее и крепко прижал к себе.

Видя, что ей не уйти, заплакала Дева морская.

– Будь милостив, отпусти меня в море, я единственная дочь Морского царя, и стар и одинок мой отец. Но ответил ей юный Рыбак:

– Я не отпущу тебя, покуда ты не дашь мне обещания, что на первый мой зов ты поднимешься ко мне из глубины И будешь петь для меня свои песни: потому что нравится рыбам пение Обитателей моря, и всегда будут полны мои сети.

– А ты и вправду отпустишь меня, если дам тебе такое обещание? – спросила Дева морская.

– Воистину так, отпущу, – ответил молодой Рыбак. И она дала ему обещание, которого он пожелал, и подкрепила свое обещание клятвою Обитателей моря, и разомкнул тогда Рыбак свои объятия, и, все еще трепеща от какого-то странного страха, она опустилась на дно.

х х х

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и звал к себе Деву морскую. И она поднималась из вод и пела ему свои песни.

Вокруг нее резвились дельфины, и дикие чайки летали над ее головой.

И она пела чудесные песни. Она пела о Жителях моря, что из пещеры в пещеру гоняют свои стада и носят детенышей у себя на плечах; о Тритонах, зеленобородых, с волосатой грудью, которые трубят в витые раковины во время шествия Морского царя; о царском янтарном чертоге – у него изумрудная крыша, а полы из ясного жемчуга; о подводных садах, где колышутся целыми днями широкие кружевные веера из кораллов, а над ними проносятся рыбы, подобно серебряным птицам; и льнут анемоны к скалам, и розовые пескари гнездятся в желтых бороздках песка. Она пела об огромных китах, приплывающих из северных морей, с колючими сосульками на плавниках; о Сиренах, которые рассказывают такие чудесные сказки, что купцы затыкают себе уши воском, чтобы не броситься в воду и не погибнуть в волнах; о затонувших галерах, у которых длинные мачты, за их снасти ухватились матросы, да так и зачоченели навек, а в открытые люки всплывает макрель и свободно выплывает оттуда; о малых ракушках, великих путешественницах: они присасываются в килях кораблей и объезжают весь свет; о каракатицах, живущих на склонах утесов: она простирает свои длинные черные руки, и стоит им захотеть, будет ночь. Она пела о моллюске-наутилусе: у него свой собственный опаловый ботик, управляемый шелковым

парусом; и о счастливых Тритонах, которые играют на арфе и чарами могут усыпить самого Осьминога Великого; и о маленьких детях моря, которые поймают черепаху и со смехом катаются на ее скользкой спине; и о Девах морских, что нежатся в белеющей пене и простирают руки к морякам; и о моржах с кривыми клыками, и о морских конях, у которых развевается грива.

И пока она пела, стаи тунцов, чтобы послушать ее, выплывали из морской глубины, и молодой Рыбак ловил их, окружая своими сетями, а иных убивал острогою. Когда же челнок у него наполнялся. Дева морская, улыбнувшись ему, погружалась в море.

И все же она избегала к нему приближаться, чтобы он не коснулся ее. Часто он молил ее и' звал, но она не подплывала ближе.

Когда же он пытался схватить ее, она ныряла, как ныряют тюлени, и больше в тот день не показывалась. И с каждым днем ее песни все сильнее пленяли его. Так сладостен был ее голос, что Рыбак забывал свой челнок, свои сети, и добыча уже не прельщала его. Мимо него проплывали целыми стаями золотоглазые, с алыми плавниками, тунцы, а он и не замечал их. Праздно лежала у него под рукой острога, и его корзины, сплетенные из ивовых прутьев, оставались пустыми. Полураскрыв уста и с затуманенным от упоения взором неподвижно сидел он в челноке, и слушал, и слушал, пока не подкрадывались к нему туманы морские и блуждающий месяц не пятнал серебром его загорелое тело.

В один из таких вечеров он вызвал ее и сказал:

– Маленькая Дева морская, маленькая Дева морская, я люблю тебя. Будь моей женою, потому что я люблю тебя. Но Дева морская покачала головой и ответила:

– У тебя чуждая душа! Прогони свою душу прочь, и мне можно будет тебя полюбить.

И сказал себе юный Рыбак:

– На что мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она. И вправду: я прогоню ее прочь, и будет мне великая радость.

И он закричал от восторга и, встав в своем расписном челноке, простер руки к Деве морской.

– Я прогоню свою душу,— крикнул он,— и ты будешь моей юной женой, и мужем я буду тебе, и мы поселимся в пучине, и ты покажешь мне все, о чем пела, и я сделаю все, что захочешь, и жизни наши буду навек неразлучны.

И засмеялась от радости Дева морская, и закрыла лицо руками.

– Но как же мне прогнать мою душу? – закричал молодой Рыбак.— Научи меня, как это делается, и я выполню все, что ты скажешь.

– Увы! Я сама не знаю! —ответила Дева морская.— У нас, Обитателей моря, никогда не бывало души.

И, горестно взглянув на него, она погрузилась в пучину.

х х х

На следующий день рано утром, едва солнце поднялось над холмом на высоту ладони, юный Рыбак подошел к дому Священника и трижды постучался в его дверь.

Послушник взглянул через решетку окна и, когда увидал, кто пришел, отодвинул засов и сказал:

– Войди!

И юный Рыбак вошел и преклонил колени на душистые Тростники, покрывавшие пол, и обратился к Священнику, читавшему Библию, и сказал ему громко:

– Отец, я полюбил Деву морскую, но между мною и ею встала моя душа. Научи, как избавиться мне от души, ибо поистине она мне не надобна. К чему мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

– Горе! Горе тебе, ты лишился рассудка. Или ты отравлен ядовитыми травами? Душа есть самое святое в человеке и дарована нам господом богом, чтобы мы достойно владели ею. Нет ничего драгоценнее, чем душа человеческая, и никакие блага земные не могут сравняться с нею. Она стоит всего золота на свете, и ценнее царских рубинов. Поэтому, сын мой, забудь свои помыслы, ибо это неискупаемый грех. А Обитатели моря прокляты, и прокляты все, кто вздумает с ними знаться. Они, как дикие звери, не знают, где добро и где зло, и не за них умирал Искупитель.

Выслушав жестокое слово Священника, юный Рыбак разрыдался и, поднявшись с колен, сказал:

– Отец, Фавны обитают в чаще леса – и счастливы! и на скалах сидят Тритоны с арфами из червонного золота. Позволь мне быть таким, как они,– умоляю тебя! – ибо жизнь их как жизнь цветов. А к чему мне моя душа, если встала она между мной и той, кого я люблю?

– Мерзостна плотская любовь! – нахмутив брови, воскликнул Священник.– И мерзостны и пагубны те твари языческие, которым господь попустил блуждать по своей земле. Да будут прокляты Фавны лесные, и да будут прокляты эти морские певцы!

Я сам их слышал по ночам, они тщились меня обольстить и отторгнуть меня от моих молитвенных четок. Они стучатся ко мне в окно и хохочут.;

Они нашептывают мне в уши слова о своих погибельных радостях. Они искушают меня искушениями, и, когда я хочу молиться, они корчат мне рожи. Они погибшие, говорю я тебе, и воистину им никогда не спастись. Для них нет ни рая, ни ада, и ни в раю, ни в аду им не будет дано славословить имя господне.

– Отец! – вскричал юный Рыбак.– Ты не знаешь, о чем говоришь. В сети мои уловил я недавно Морскую Царевну. Она прекраснее, чем утренняя звезда, она белее, чем месяц. За ее тело я отдал бы душу и за ее любовь откажусь от вечного блаженства в раю. Открой же мне то, о чем я тебя молю, и отпусти меня с миром.

– Прочь! – закричал Священник.— Та, кого ты любишь, отвергнута богом, и ты будешь вместе с нею отвергнут.

И не дал ему благословения, и прогнал от порога своего. И пошел молодой Рыбак на торговую площадь, и медленна была его поступь, и голова была опущена на грудь, как у того, кто печален.

И увидели его купцы и стали меж собою шептаться, и один из них вышел навстречу и, окликнув его, спросил:

– Что ты принес продавать?

– Я продам тебе душу,— ответил Рыбак.— Будь добр, купи ее, ибо она мне в тягость. К чему мне душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

Но купцы посмеялись над ним.

– На что нам душа человеческая? Она не стоит ломаного гроша. Продай нам в рабство тело твое, и мы облачим тебя в пурпур и украсим твой палец перстнем, и ты будешь любимым рабом королевы. Но не говори о душе, ибо для нас она ничто и не имеет цены.

И сказал себе юный Рыбак:

– Как это все удивительно! Священник убеждает меня, что душа ценнее, чем все золото в мире, а' вот купцы говорят, что она не стоит и гроша.

И он покинул торговую площадь, и спустился на берег моря, и стал размышлять о том, как ему надлежит поступить.

х х х

К полудню он вспомнил, что один его товарищ, собиратель морского укропа, рассказывал ему о некой искусной в делах колдовства юной Ведьме, живущей в пещере у входа в залив. Он тотчас вскочил и пустился бежать, так ему хотелось поскорее избавиться от своей души, и облако пыли бежало за ним по песчаному берегу. Юная Ведьма узнала о его приближении, потому что у нее почесалась ладонь, и с хохотом распустила свои рыжие волосы. И, распустив свои рыжие волосы, окружившие все ее тело, она встала у входа в пещеру, и в руке у нее была цветущая ветка дикой цикуты.

– Чего тебе надо? Чего тебе надо? – закричала она, когда, изнемогая от бега, он взобрался вверх и упал перед ней.— Не нужна ли сетям твоим рыба, когда буйствует яростный ветер? Есть у меня камышовая дудочка, и стоит мне дунуть в нее, голавли заплывают в залив. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Не надобен ли тебе ураган, который разбил бы суда и выбросил бы на берег сундуки с богатым добром? Мне подвластно больше ураганов, чем ветру, ибо я служу тому, кто сильнее, чем ветер, и одним только ситом и ведерком воды я могу отправить в пучину морскую самые большие галеры. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Я знаю цветок, что растет в долине. Никто не знает его, одна только я. У него пурпурные лепестки, и в его сердце звезда, и молочно-бел его сок. Прикоснись этим

цветком к непреклонным устам королевы, и на край света пойдет за тобою она.

Она покинет ложе короля и на край света пойдет за тобою. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Я в ступе могу истолочь жабу, и сварю из нее чудесное снадобье, и рукою покойника помешаю его. И когда твой недруг заснет, брызни в него этим снадобьем, и обратится он в черную ехидну, и родная мать раздавит его. Моим колесом я могу свести с неба Луну и в кристалле покажу тебе Смерть. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Открой мне твое желание, и я исполню его, и ты заплатишь мне, мой хорошенький мальчик, ты заплатишь мне красную цену.

– Невелико мое желание,— ответил юный Рыбак,— но Священник разгневался на меня и прогнал меня прочь. Малого я желаю, но купцы осмеяли меня и отвергли меня. Затем и пришел я к тебе, хоть люди и зовут тебя злою. И какую цену ты ни спросишь, я заплачу тебе.

– Чего же ты хочешь? — спросила Ведьма и подошла к нему ближе.

– Избавиться от своей души,— сказал он. Ведьма побледнела, и стала дрожать, и прикрыла лицо синим плащом.

– Хорошенький мальчик, мой хорошенький мальчик,— пробормотала она,—страшного же ты захотел!

Он тряхнул своими темными кудрями и засмеялся в ответ.

– Я отлично обойдусь без души. Ведь мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

– Что же ты дашь мне, если я научу тебя? – спросила Ведьма, глядя на него сверху вниз прекрасными своими глазами.

– Я дам тебе пять золотых, и мои сети, и расписной мой челнок, и тростниковую хижину, в которой живу. Только скажи мне скорее, как избавиться мне от души, и я дам тебе все, что имею.

Ведьма захохотала насмешливо и ударила его веткой цикуты.

– Я умею обращать в золото осенние листья, лунные лучи могу превратить в серебро. Всех земных царей богаче. тот, кому я служу, и ему подвластны их царства.

– Что же я дам тебе, если тебе не нужно ни золота, ни серебра?

Ведьма погладила его голову тонкой и белой рукой.

– Ты должен сплясать со мною, мой хорошенький мальчик,—тихо прошептала она и улыбнулась ему.

– Только и всего? – воскликнул юный Рыбак в изумлении и тотчас вскочил на ноги.

– Только и всего,— ответила она и снова улыбнулась ему.

– Тогда на закате солнца, где-нибудь в укромном местечке, мы спляшем с тобою вдвоем,— сказал он,— и

сейчас же, чуть кончится пляска, ты откроешь мне то, что я жажду узнать.

Она покачала головою.

– В полнолуние, в полнолуние, – прошептала она. Потом она оглянулась вокруг и прислушалась. Какая-то синяя птица с диким криком взвилась из гнезда и закружила над дюнами, и три пестрые птицы зашуршали в серой и жесткой траве и стали меж собой пересвистываться. И больше не было слышно ни звука, только волны плескались внизу, перекаывая у берега гладкие камешки. Ведьма протянула руку и привлекла своего гостя к себе и в самое ухо шепнула ему сухими губами:

– Нынче ночью ты должен прийти на вершину горы. Нынче Шабаш, и Он будет там.

Вздрогнул юный Рыбак, поглядел на нее, она оскалила белые зубы и засмеялась опять.

– Кто это Он, о ком говоришь ты? – спросил у нее Рыбак.

– Не все ли равно? Приходи туда нынче ночью и встань под ветвями белого граба и жди меня. Если набросится на тебя черный пес, ударь его ивовой палкой, – и он убежит от тебя. И если скажет тебе что-нибудь филин, не отвечай ему. В полнолуние я приду к тебе, и мы пропляшем вдвоем на траве.

– Но можешь ли ты мне поклясться, что тогда ты научишь меня, как избавиться мне от души?

Она вышла из пещеры на солнечный свет, и рыжие ее волосы заструились под ветром.

– Клянусь тебе копытами козла! – ответила она.

– Ты самая лучшая ведьма! – закричал молодой Рыбак. – И, конечно, я приду, и буду с тобой танцевать нынче ночью на вершине горы. Поистине я предпочел бы, чтобы ты спросила с меня серебра или золота. Но если такова твоя цена, ты получишь ее, ибо она не велика.

И, сняв шапку, он низко поклонился колдунье и, исполненный великою радостью, побежал по дороге в город.

А Ведьма не спускала с него глаз, и, когда он скрылся из вида, она вернулась в пещеру и, вынув зеркало из резного кедрового ларчика, поставила его на подставку и начала жечь перед зеркалом на горящих углях вербену и вглядываться в клубящийся дым.

Потом в бешенстве стиснула руки.

– Он должен быть моим, – прошептала она. – Я так же хороша, как и та.

х х х

Едва только показалась луна, взобрался юный Рыбак на вершину горы и стал под ветвями граба. Словно металлический полированный щит, лежало у ног его округлое море, и тени рыбачьих лодок скользили вдали по заливу. Филин, огромный, с желтыми глазами, окликнул его по имени, но он ничего не ответил. Черный рычащий пес набросился на него; Рыбак ударил его ивовой палкой, и, взвизгнув, пес убежал.

К полночи, как летучие мыши, стали слетаться ведьмы.

– Фью! – кричали они, чуть только спускались на землю.— Здесь кто-то чужой, мы не знаем его!

И они нюхали воздух, перешептывались и делали какие-то знаки. Молодая Ведьма явилась сюда последней, и рыжие волосы ее струились по ветру. На ней было платье из золотой парчи, расшитое павлиньими глазками и маленькая шапочка из зеленого бархата.

– Где он? Где он? – заголосили ведьмы, когда увидали ее, но она только засмеялась в ответ, и подбежала к белому грабу, и схватила Рыбака за руку, и вывела его на лунный свет, и принялась танцевать.

Они оба кружились вихрем, и так высоко прыгала Ведьма, что были ему видны красные каблучки ее башмаков. Вдруг до слуха танцующих донесся топот коня, но коня не было видно нигде, и Рыбак почувствовал страх.

– Быстрее! –кричала Ведьма и, обхватив его шею руками, жарко дышала в лицо.—Быстрее! Быстрее!—кричала она, и, казалось, земля завертелась у него под ногами, в голове у него помутилось, и великий ужас напал на него, будто под взором какого-то злобного дьявола, и наконец он заметил, что под сенью утеса скрывается кто-то, кого раньше там не было.

То был человек, одетый в бархатный черный испанский костюм. Лицо у него было до странности бледно, но уста его были похожи на алый цветок. Он казался усталым и стоял, прислонившись к утесу,

небрежно играя рукоятью кинжала. Невдалеке на траве виднелась его шляпа с пером и перчатками для верховой езды. Они были оторочены золотыми кружевами, и мелким жемчугом был вышит на них какой-то невиданный герб. Короткий плащ, обшитый соболями, свешивался с его плеча, а его холеные белые руки были украшены перстнями; тяжелые веки скрывали его глаза.

Как замороженный смотрел на него юный Рыбак. Наконец их глаза встретились, и потом, где бы юный Рыбак ни плясал, ему чудилось, что взгляд незнакомца неотступно следит за ним. Он слышал, как Ведьма засмеялась, и обхватил ее стан, и завертел в неистовой пляске.

Вдруг в лесу залаяла собака; танцующие остановились, и пара за парой пошли к незнакомцу, и, преклоняя колена, припадали к его руке. При этом на его гордых губах заиграла легкая улыбка, как играет вода от трепета птичьих крыльев. Но было в той улыбке презрение. И он продолжал смотреть только на молодого Рыбака.

– Пойдем же, поклонимся ему! – шепнула Ведьма и повела его вверх, и сильное желание сделать именно то, о чем говорила она, охватило его всего, и он пошел вслед за нею. Но когда он подошел к тому человеку, он внезапно, не зная и сам почему, осенил себя крестным знаменiem и призвал имя господне.

И тотчас же ведьмы, закричав, словно ястребы, улетели куда-то, а бледное лицо, что следило за ним, передернулось судорогой боли. Человек отошел к роще и свистнул. Испанский жеребец в серебряной

сбруе выбежал навстречу ему. Человек вскочил на коня, оглянулся и грустно посмотрел на юного Рыбака.

И рыжеволосая Ведьма попыталась улететь вместе с ним, но юный Рыбак схватил ее за руки и крепко держал.

– Отпусти меня, дай мне уйти! – взмолилась она. – Ибо ты назвал такое имя, которое не подобает называть, и сделал такое знамение, на которое не подобает смотреть.

– Нет, – ответил он ей, – не пущу я тебя, покуда не откроешь мне тайну.

– Какую тайну? – спросила она, вырываясь от него, словная дикая кошка, и кусая запененные губы.

– Ты знаешь сама, – сказал он. Ее глаза, зеленые, как полевая трава, вдруг замутились слезами, и она сказала в ответ:

– Что хочешь проси, но не это!

Он засмеялся и сжал ее крепче.

И, увидев, что ей не вырваться, она прошептала ему:

– Я так же пригожа, как дочери моря, я так же хороша, как и те, что живут в голубых волнах, – и она стала ласкаться к нему и приблизила к нему свое лицо.

Но он нахмурился, оттолкнул ее и сказал:

– Если не исполнишь своего обещания, я убью тебя, Ведьма-обманщица.

Лицо у нее сделалось серым, как цветок иудина дерева, .И, вздрогнув, она тихо ответила:

– Будь по-твоему. Душа не" моя, а твоя. Делай с нею что хочешь.

И она вынула из-за пояса маленький нож и подала ему. Рукоятка у ножа была обтянута зеленой змеиной кожей.

– Для чего он мне надобен? – спросил удивленный Рыбак.

Она помолчала недолго, и ужас исказил ее лицо. Потом она откинула с чела свои рыжие волосы и, странно улыбаясь, сказала:

– То, что люди называют своей тенью, не тень их тела, а тело их души. Выйди на берег моря, стань спиною к луне и отрежь у самых своих ног свою тень, это тело твоей души, и повели ей покинуть тебя, и она исполнит твое повеление.

Молодой Рыбак задрожал.

– Это правда? – прошептал он.

– Истинная правда, и лучше б я не открывала ее,– воскликнула Ведьма, рыдая и цепляясь за его колени.

Он отстранил ее, и там она осталась, в буйных травах, и, дойдя до склона горы, он сунул этот нож за пояс и, хватаясь за выступы, начал быстро спускаться вниз.

И бывшая в нем Душа воззвала к нему и сказала:

– Слушай! Все эти годы жила я с тобою и верно служила тебе. Не гони же меня теперь. Какое зло я причинила тебе?

Но юный Рыбак засмеялся.

– Зла я от тебя не видел, но ты мне не надобна. Мир велик, и есть еще Рай, есть и Ад, есть и сумрачная серая обитель, которая между Раем и Адом. Иди же, куда хочешь, отстань, моя милая давно уже кличет меня.

Душа жалобно молила его, но он даже не слушал ее.

Он уверенно, как дикий козел, прыгал вниз со скалы на скалу; наконец он спустился к желтому берегу моря. Стройный, весь как из бронзы, словно статуя, изваянная эллином, он стоял на песке, повернувшись спиною к луне, а из пены уже простирались к нему белые руки, и вставали из волн какие-то смутные призраки, и слышался их неясный привет.

Прямо перед ним лежала его тень, тело его Души, а там, позади, висела луна в воздухе, золотистом, как мед.

И Душа сказала ему:

– Если и вправду ты должен прогнать меня прочь от себя, дай мне с тобой твое сердце. Мир жесток, и без сердца я не хочу уходить.

Он улыбнулся и покачал головой.

– А чем же я буду любить мою милую, если отдам тебе сердце?

– Будь добр, – молила Душа, – дай мне с собой твое сердце: мир очень жесток, и мне страшно.

– Мое сердце отдано милой! – ответил Рыбак. – Не мешкай же и уходи поскорее.

– Разве я не любила бы вместе с тобою? – спросила его Душа.

– Уходи, тебя мне не надобно! – крикнул юный. Рыбак и, выхватив маленький нож с зеленою рукояткой из змеиной кожи, отрезал свою тень у самых ног, и она поднялась и предстала пред ним, точно такая, как он, и взглянула ему в глаза.

Он отпрянул назад, заткнул за пояс нож, и чувство ужаса охватило его.

– Ступай, – прошептал он, – и не показывайся мне на глаза!

– Нет, мы снова должны встретиться! – сказала Душа. Негромкий ее голос был как флейта, и губы ее чуть шевелились.

– Но как же мы встретимся? Где? Ведь не пойдешь ты за мной в морские глубины! – воскликнул юный Рыбак.

– Каждый год я буду являться на это самое место и призывать тебя, – ответила Душа. – Кто знает, ведь может случиться, что я понадобится тебе.

– Ну зачем ты мне будешь нужна? – воскликнул юный Рыбак. – Но все равно, будь по-твоему!

РЫБАК ОТРЕЗАЕТ ДУШУ

Рыбак:

*Острия невесомый путь,
взмах кинжала и выбор сделан:
отпустить и перешагнуть,
далее – волны и воды.
Навсегда преградой любовь
встала между душой и телом.
Я не чувствую ничего,
кроме вкуса свободы.*

Душа:

*Для тебя – бирюза воды, мне же берег с
пыльной осокой.
Разве стоит таких потерь, эта дева с
янтарной кожей?
Разве стоит таких утрат, взмах ресниц и
взгляд с поволокой?
Задержись, позови назад – всё ещё вернуть
возможно!*

Рыбак:

*Я тебя столько лет носил,
ничего не приобретаю.
Я терпел тебя столько зим,
но ни разу счастливым не был.
Ты теперь поживи в грязи,
и уж если ты не святая –
уйди, гуляй по земле,
раз не можешь летать по небу.*

Душа:

*Ну так что ж уходи на дно, а меня оставляй на
суше,
но отныне твоя любовь будет бездушной.
Пей взахлёб пьянящую страсть, пульс
играющий тарантеллу
в пустоте, пока я не вернусь в твоё уставшее
тело.*

*Дай сердце с собою мне, огнём освещать
дорогу!*

Рыбак:

*Ступай, ты и так в огне, мне сердце нужнее
ей-богу.*

*Буду в сердце любовь хранить,
наслажденья не сыщешь выше.
А тебе – приют просить
в доме тех, кто тебя услышит.*

© Наталья Пискунова

Эмбиент-опера по мотивам Оскара Уайльда

И он бросился в воду, и Тритоны затрубили в свои раковины, а маленькая Дева морская выплыла навстречу ему, обвила его шею руками и поцеловала в самые губы. А Душа стояла на пустынном побережье, смотрела на них и, когда они скрылись в волнах, рыдая, побрела по болотам.

х х х

И когда миновал первый год. Душа сошла на берег моря и стала звать юного Рыбака, и он поднялся из пучины и спросил:

– Зачем ты зовешь меня?' И Душа ответила:

– Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку. Стал слушать.

х х х

И сказала ему Душа:

– Когда я покинула тебя, я повернулась лицом к Востоку и отправилась в дальний путь. С Востока приходит все мудрое.

Шесть дней была я в пути, и наутро седьмого дня я подошла к холму, что находится в землях Татарии. Чтобы укрыться от солнца, я уселась в тени тамариска. Почва была сухая и выжжена зноем. Как ползают мухи по медному гладкому диску, так двигались люди по этой равнине.

В полдень багряное облако пыли поднялось от ровного края земли. Когда жители Татарии увидели его, они натянули расписные свои луки, вскочили на приземистых коней и галопом поскакали навстречу. Женщины с визгом побежали к кибиткам и спрятались за висящими войлоками.

В сумерки татары вернулись, но пятерых не хватало, а из вернувшихся немало было раненых. Они впрягли своих коней в кибитки и торопливо снялись с места. Три шакала вышли из пещеры и посмотрели им вслед. Потом они понюхали воздух и рысью побежали в обратную сторону.

Когда же взошла луна, я увидела на равнине костер и пошла прямо на него. Вокруг костра на коврах сидели какие-то купцы.

Их верблюды были привязаны позади, а негры-прислужники разбивали палатки из дубленой кожи на песке. и воздвигали высокую изгородь из колючего кактуса.

Когда я приблизилась к ним, их предводитель поднялся и, обнажив меч. спросил, что мне надо.

Я ответила, что была у себя на родине Принцем и что теперь бегу от Татар, которые хотели обратить меня в рабство.

Предводитель усмехнулся и показал мне пять человеческих голов, насаженных на длинные бамбуковые шесты.

Потом он спросил меня, кто был пророк бога на земле, и я ответила: Магомет.

Услыхавши имя лжепророка, он склонил голову и взял меня за руку и посадил рядом с собою. Негр принес мне кумысу в деревянной чашке и кусок жареной баранины.

На рассвете мы двинулись в путь. Я ехала на рыжем верблюде рядом с предводителем отряда, а перед нами бежал скороход, и в руке у него было копье. Воины были и справа и слева, а сзади следовали мулы, нагруженные разными товарами. Верблюдов в караване было сорок, а мулов было дважды столько.

Мы прошли из страны Татарики к тем, которые проклинаят Луну. Мы видели Грифов, стерегущих свое золото в белых скалах, мы видели чешуйчатых Драконов, которые спали в пещерах. Когда мы проходили через горные кряжи мы боялись дохнуть, чтобы снеговые лавины не сверглись на нас, и каждый повязал глаза легкой вуалью из газа. Когда мы проходили по долинам, в нас метали стрелы Пигмеи, таившиеся в дупле деревьев, а по ночам мы слышали, как дикие люди били в свои барабаны. Подойдя к Башне Обезьян, мы положили пред ними плоды, и они не тронули нас. Когда же мы подошли к Башне Змей, мы дали им теплого молока в медных чашах, и они пропустили нас. Трижды во время пути выходили мы на берег Окса. Мы переплывали его на деревянных плотках с большими мехами из воловьих шкур, надутых воздухом. Бегемоты яростно бросались на нас и хотели нас растерзать.

Верблюды дрожали, когда видели их. Цари каждого города взимали с нас пошлину, но не впускали в городские ворота. Они бросали нам еду из-за стен,—

медовые оладьи из маиса и пирожки из мельчайшей муки, начиненные финиками. За каждую сотню корзин мы давали им по янтарному шарiku.

Когда обитатели сел видели, что мы приближаемся, они отравляли колодцы и убегали на вершины холмов.

Мы должны были сражаться с Магадаями, которые рождаются старыми и, что ни год, становятся моложе и умирают младенцами; мы сражались с Лактремями, которые считают себя порождением тигров и раскрашивают себя черными и желтыми полосами. Мы сражались с Аурантами, которые хоронят своих мертвецов на вершинах деревьев, а сами прячутся в темных пещерах, чтобы Солнце, которое считается у них божеством, не убило их; и с Кримнийцами, которые поклоняются крокодилу и приносят ему в дар серьги из зеленой травы и кормят его маслом и молодыми цыплятами; и с Агазонбаями, у коих песьи морды; и с Сибанами на лошадиных ногах, более быстрых, чем ноги коней. Треть нашего отряда погибла в битвах и треть нашего отряда погибла от лишений. Прочие роптали на меня и говорили, что я принесла им несчастье. Я взяла из-под камня рогатую ехидну и дала ей ужалить меня. Увидев, что я невредима, они испугались.

На четвертый месяц мы достигли города Иллель. Была ночь, когда мы приблизились к роще за городскими стенами, и воздух был душный, ибо Луна находилась в созвездии Скорпиона.

Мы срывали спелые гранаты с деревьев, и разламывали их, и пили их сладкий сок. Потом мы легли на ковры и дожидались рассвета.

И на рассвете мы встали и постучались в городские ворота. Из кованной красной меди были эти городские ворота, и на них были морские драконы, а также драконы крылатые. Стража, наблюдавшая с бойниц, спросила, чего нам надо. Толмач каравана ответил, что мы с острова Сирии пришли сюда с богатыми товарами. Они взяли у нас заложников и сказали, что в полдень откроют ворота, и велели ждать до полудня.

В полдень они открыли ворота, и люди толпами выбегали из домов, чтобы поглядеть на пришельцев, и глашатай помчался по улицам города, крича в раковину о нашем прибытии. Мы остановились на базаре, и едва только негры развязали тюки узорчатых тканей и раскрыли резные ларцы из смоковницы, купцы выставили напоказ свои диковинные товары: навощеные льняные ткани из Египта, крашеное полотно из земли Эфиопов, пурпурные губки из Тира, синие сидонские занавеси, прохладные янтарные чаши, тонкие стеклянные сосуды и еще сосуды из обожженной глины, очень причудливой формы. С кровли какого-то дома женщины смотрели на нас. У одной на лице была маска из позолоченной кожи.

И в первый день пришли к нам жрецы и выменивали наши товары. Во второй день пришли знатные граждане. В третий день пришли ремесленники и рабы. Таков их обычай со всеми купцами, пока те пребывают в их городе.

И в течение одной луны мы оставались там, и, когда луна пошла на убыль, торговля наскучила мне, и я стала скитаться по улицам города и приблизилась к тому саду, который был садом их бога. Жрецы, одетые в желтое, безмолвно двигались меж зеленью деревьев, и

на черных мраморных плитах стоял красный, как роза, дворец, в котором и жил этот бог. Двери храма были покрыты глазурью, и их украшали белестящие золотые барельефы, изображавшие быков и павлинов. Изразцовая крыша была сделана из фарфора цвета морской воды, и по ее краям висели целые гирлянды колокольчиков. Белые голуби, пролетая, задевали колокольчики крыльями, и колокольчики от трепета крыльев звенели.

Перед храмом был бассейн прозрачной воды, выложенный испещренным прожилками ониксом. Я легла у бассейна и бледными пальцами трогала широкие листья. Один из жрецов подошел ко мне и стал у меня за спиной. На ногах у него были сандалии, одна из мягкой змеиной кожи, другая из птичьих перьев. На голове у него была войлочная черная митра, украшенная серебряными полу-месяцами. Семь узоров желтого цвета были вытканы на его одеянии, и сурью были выкрашены его курчавые волосы.

Помолчав, он обратился ко мне и спросил, что мне угодно.

Я сказала, что мне угодно видеть бога.

– Бог на охоте,– ответил жрец, как-то странно глядя на меня узкими косыми глазами.

– Скажи мне, в каком он лесу, и я буду охотиться с ним.

Он расправил мягкую бахрому своей туники длинными и острыми ногтями.

– Бог спит!

— Скажи, на каком он ложе, и я буду охранять его сон.

— Бог за столом, он пирует.

— Если вино его сладко, я буду пить вместе с ним; а если вино его горько, я также буду пить вместе с ним, Он склонил в изумлении голову и, взяв меня за руку, помог мне подняться и ввел меня в храм.

И в первом покое я увидела идола, сидевшего на яшмовом троне, окаймленном крупными жемчугами Востока. Идол был из черного дерева, и рост его был рост человека. На челе у него был рубин, и густое масло струилось с его волос на бедра. Его ноги были красны от крови только что убитого козленка, а чресла его были опоясаны медным поясом с семью бериллами. И я сказала жрецу:

— Это бог? И он ответил:

— Это бог.

— Покажи мне бога!—крикнула я.—Или ты будешь убит!

И я коснулась его руки, и рука у него отсохла.

И взмолился жрец, говоря:

— Пусть повелитель исцелит раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на руку жреца, и снова она стала живою, и он задрожал и ввел меня в соседний покой, и я увидела идола, стоявшего на нефритовом лотосе, который был украшен изумрудами. Он был выточен из

слоновой кости, и рост его был как два человеческих роста. На челе у него был хризолит, а грудь его была умащена корицей и миррой. В одной руке у него был извилистый нефритовый жезл, а в другой хрустальная держава. Его обувью были котурны из меди, а тучную шею обвивало селенитовое ожерелье.

И я сказала жрецу:

– Это бог? И он ответил:

– Это бог.

– Покажи мне бога! – крикнула я. – Или ты будешь убит!

И я тронула рукой его веки, и глаза его тотчас ослепли. И взмолился жрец:

– Пусть исцелит повелитель раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на его ослепшие очи, и они опять стали зрячими, и, весь дрожа, он ввел меня в третий покой, и там не было идола, не было никаких кумиров, а было только круглое металлическое зеркало, стоящее на каменном жертвеннике.

И я сказала жрецу:

– Где же бог? И он ответил:

– Нет никакого бога, кроме зеркала, которое ты видишь перед собой, ибо это Зеркало Мудрости. И в нем отражается все, что в небе и что на земле. Только лицо смотрящего него не отражается в нем. Оно не отражается в нем, чтобы смотрящийся в него стал

мудрецом. Много есть всяких зеркал, но те зеркала отражают лишь Мысли глядящего в них. Только это зеркало – Зеркало Мудрости. Кто обладает этим Зеркалом Мудрости, тому ведомо все на земле, и ничто от него не скрыто. Кто не обладает этим зеркалом, тот не обладает и Мудростью. Посему это зеркало и есть бог, которому мы поклоняемся.

И я посмотрела в зеркало, и все было так, как говорил мне жрец.

И я совершила необычайный поступок, но что я совершила – не важно, и вот в долине, на расстоянии дня пути, спрятала я Зеркало Мудрости. Позволь мне снова войти в тебя и быть твоей рабою,– ты будешь мудрее всех мудрых, и вся Мудрость будет твоя. Позволь мне снова войти в тебя, и никакой мудрец не сравниться с тобою.

Но юный Рыбак засмеялся.

– Любовь лучше Мудрости,– вскричал он,– а маленькая Дева морская любит меня.

– Нет, Мудрость превыше всего,– сказала ему Душа.

– Любовь выше ее! – ответил Рыбак и погрузился в пучину, а душа, рыдая, побрела по болотам.

х х х

И по прошествии второго года Душа снова пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из глубины и сказал:

– Зачем ты зовешь меня? И Душа ответила:

– Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

х х х

И Душа сказала ему:

– Когда я покинула тебя, я обратилась к Югу и отправилась в дальний путь. С Юга приходит все, что на свете есть драгоценного. Шесть дней я была в пути, шла по большим дорогам, ведущим и городу Аштер, по красным, пыльным дорогам, по которым бредут паломники, и наутро седьмого дня я подняла свои взоры, и вот у ног моих распростерся город, ибо этот город в долине.

У города девять ворот, и у каждой ворот стоит бронзовый конь, и кони эти ржут, когда Бедуины спускаются с гор. Стены города обиты красной медью, и башни на этих стенах покрыты бронзой. В каждой башне стоит стрелок, и в руках у каждого лук.

При восходе солнца каждый пускает стрелу в гонг, а на закате трубит в рог.

Когда я пыталась проникнуть в город, стража задержала меня и спросила, кто я. Я ответила, что я Дервиш и теперь направляюсь в Мекку, где находится зеленое покрывало, на котором ангелы вышили серебром Коран. И стража исполнилась удивления и просила меня войти в город.

Город был подобен базару. Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. В узких улицах веселые

бумажные фонарики колышутся, как большие бабочки. Когда ветер проносится по кровлям, фонарики качаются под ветром, словно разноцветные пузыри. У входа в лавчонки на шелковых ковриках восседают купцы. У них прямые черные бороды, чалмы их усыпаны золотыми цехинами; и длинные нити янтарных четок и точеных персиковых косточек скользят в их холодных пальцах. Иные торгуют гилбаном, и нардом, и какими-то неведомыми духами с островов Индийского моря, и густым маслом из красных роз, из мирры и мелкой гвоздики. Если кто-нибудь остановится и вступит с ними в беседу, они бросают на жаровню щепотки ладана, и воздух становится сладостным. Я видела сирийца, который держал в руке прут, тонкий, подобный тростинке. Серые нити дыма выходили из этого прута, и его запах, пока он горел, был как запах розового миндаля по весне. Иные продают серебряные браслеты, усеянные млечно-голубой бирюзой, и запястья из медной проволоки, окаймленные мелким жемчугом, и тигровые когти и когти диких кошек- леопардов, оправленные в золото, и серьги из просверленных изумрудов, и кольца из выдолбленного нефрита. Из чайных слышатся звуки гитары, и бледнолицые курильщики опия с улыбкой глядят на прохожих.

Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. С большими черными бурдюками на спинах протискиваются там сквозь толпу продавцы вина. Чаще всего торгуют они сладким, как мед, вином Шираза. Они подают его в маленьких металлических чашах и сыплют туда лепестки роз. На базаре стоят продавцы и продают все плоды, какие есть на свете: спелые фиги с пурпурной мякотью; дыни, пахнущие мускусом и

желтые, как топазы; померанцы и розовые яблоки, и гроздья белого винограда; круглые красно-золотые апельсины и продолговатые зелено-золотые лимоны. Однажды я видела слона, проходящего мимо. Его хобот был расписан шафраном и киноварью, и на ушах у него была сетка из шелковых алых шнурков. Он остановился у одного шалаша и стал пожирать апельсины, а торговец только смеялся. Ты и представить себе не можешь, какой это странный народ. Когда у них радость, они идут к торгующим птицами, покупают птицу, заключенную в клетку, и выпускают на волю, дабы умножить веселье; а когда у них горе, они бичуют себя терновником, чтобы скорбь их не стала слабее.

Однажды вечером мне навстречу попались какие-то негры; они несли по базару тяжелый паланкин. Он был весь из позолоченного бамбука, ручки у него были красные, покрытые глазурью и украшенные медными павлинами. На окнах висели тонкие муслиновые занавески, расшитые крыльями жуков и усеянные мельчайшими жемчужинками, а когда паланкин поравнялся со мною, оттуда выглянула бледнолицая черкешенка и улыбнулась мне. Я последовала за паланкином. Негры ускорили шаг и сердито посмотрели на меня. Но я пренебрегла их угрозами. Великое любопытство охватило меня.

Наконец они остановились у четырехугольного белого дома. В этом доме не было окон, только маленькая дверь, словно дверь, ведущая в гробницу. Негры опустили паланкин на землю и медным молотком постучали три раза. Армянин в зеленом сафьяновом кафтане выглянул через решетку дверного

окошечка и, увидев их, отпер дверь, разостлал на земле ковер, и женщина покинула носилки. У входа в дом она оглянулась и снова послала мне улыбку. Я никогда еще не видала такого бледного лица.

Когда на небе показалась луна, я снова пришла на то место и стала искать тот дом, но его уже не было там. Тогда я догадалась, кто была эта женщина и почему она мне улыбнулась. Воистину жаль, что тебя не было вместе со мною. На празднике Новолуния юный Султан выезжал из дворца и следовал в мечеть для молитвы. Его борода и волосы были окрашены листьями розы, а щеки были напудрены мелким золотым порошком. Его ладони и ступни его ног были желты от шафрана. На восходе солнца он вышел из своего дворца в серебряной одежде, а на закате вернулся в одежде из золота. Люди падали ниц перед ним и скрывали свое лицо, но я не упала ниц. Я стояла у лотка торговца финиками и ждала. Когда Султан увидел меня, он поднял свои крашенные брови и остановился. Но я стояла спокойно и не поклонилась ему. Люди удивлялись моей дерзости и советовали скрыться из города. Я пренебрегла их советами и пошла и села рядом с продавцами чужеземных богов; этих людей презирают, так как презирают их промысел. Когда я рассказала им о том, что я сделала, каждый подарил мне одного из богов и умолял удалиться.

В ту же ночь, едва я простерлась на ложе в чайном домике, что на улице Гранатов, вошли телохранители Султана и повели меня во дворец. Они замыкали за мною каждую дверь и вешали на нее железную цепь. Внутри был обширный двор, весь окруженный аркадами. Стены были алебастровые, белые, с

зелеными и голубыми изразцами, колонны были из зеленого мрамора, а мраморные плиты под ногою были такого же цвета, как лепестки персикового дерева. Подобного я не видала никогда.

Пока я проходила этот двор, две женщины, лица которых были закрыты чадрами, посмотрели на меня с балкона и послали мне вслед проклятие. Телохранители ускорили шаг, и их копья забряцали по гладкому полу. Наконец они открыли ворота, выточенные из слоновой кости, и я очутилась в саду, расположенном на семи террасах. Сад был обильно орошаем водой. В нем были посажены тюльпаны, ночные красавицы и серебристый алоэ. Как тонкая хрустальная тростинка, повисла во мглистом воздухе струйка фонтана. И кипарисы стояли, точно догоревшие факелы. На ветвях одного кипариса распевал соловей.

В конце сада была небольшая беседка. Когда мы приблизились к ней, навстречу нам вышли два евнуха. Их тучные тела колыхались, и они с любопытством оглядели меня из-под желтых век. Один из них отвел начальника стражи в сторону и тихим голосом шепнул ему что-то. Другой продолжал все время жевать какие-то душистые лепешки, которые жеманным движением руки доставал из эмалевой овальной коробочки лилового цвета.

Через несколько минут начальник стражи велел солдатам уйти. Они пошли обратно во дворец, за ними медленно последовали евнухи, срывая по пути с деревьев сладкие тутовые ягоды. Тот евнух, который постарше, глянул на меня и улыбнулся зловещей улыбкой.

Затем начальник стражи подвел меня к самому входу в беседку. Я бестрепетно шагала за ним и, отдернув тяжелый полог, вошла.

Юный Султан возлежал на крашенных львиных шкурах, на руке у него сидел сокол. За спиной Султана стоял нубиец в украшенном медью тюрбане, обнаженный до пояса и с грузными серьгами в проколотых ушах. Тяжелая кривая сабля лежала на столе у ложа.

Султан нахмурился, увидев меня, и сказал:

– Кто ты такой? Скажи свое имя. Или тебе неизвестно, что я властелин этого города?

Но я ничего не ответила.

Султан указал на кривую саблю, и нубиец схватил ее и, подавшись вперед, со страшной силой ударил меня. Лезвие со свистом прошло сквозь меня, но я осталась жива и невредима. Нубиец растянулся на полу, и, когда поднялся, его зубы стучали от ужаса, и он спрятался за ложе Султана.

Султан вскочил на ноги и, выхватив дротик из оружейной подставки, метнул его в меня. Я поймала его на лету и разломала пополам. Султан выстрелил в меня из лука, но я подняла руки, и стрела остановилась в полете. Тогда из-за белого кожаного пояса выхватил он кинжал и воткнул его в горло нубийцу, чтобы раб не мог рассказать о позоре своего господина. Нубиец стал корчиться, как раздавленная змея, и красная пена пузырями выступила у него на губах.

Как только он умер, Султан обратился ко мне и сказал, отирая платком из пурпурного расшитого шелка блестящую на челе испарину:

– Уж не пророк ли ты божий, ибо вот я не властен причинить тебе какое-нибудь зло, или, может быть, сын пророка, ибо мое оружие не в силах уничтожить тебя. Прошу тебя, удались отсюда, потому что, покуда ты здесь, я не властелин моего города.

И я ответила ему:

– Я уйду, если ты мне отдашь половину твоих сокровищ. Отдай мне половину сокровищ, и я удалюсь отсюда.

Он взял меня за руку и повел в сад. Начальник стражи, увидев меня, изумился. Но когда меня увидели евнухи, их колени дрогнули, и они в ужасе пали на землю.

Есть во дворце восьмистенная зала, вся из багряного порфира, с чешуйчатым медным потолком, с которого свисают светильники. Султан коснулся стены; она разверзлась, и мы пошли каким-то длинным ходом, освещаемым многими факелами. В нишах, справа и слева, стояли винные кувшины, наполненные доверху серебряными монетами. Когда мы дошли до середины коридора. Султан произнес какое-то заповедное слово, и на потайной пружине распахнулась гранитная дверь; Султан закрыл лицо руками, чтобы его глаза не ослепли.

Ты не поверишь, какое это было чудесное место. Там были большие черепаховые панцири, полные жемчуга, и выдолбленные огромные лунные камни,

полные красных рубинов. В сундуках, обитых слоновьими шкурами, было червонное золото, а в сосудах из кожи был золотой песок. Там были опалы и сапфиры: опалы в хрустальных чашах, а сапфиры в чашах из нефрита. Зеленые крупные изумруды рядами были разложены на тонких блюдах из слоновой кости, а в углу стояли шелковые тюки, одни набитые бирюзой, другие – бериллами. Охотничьи рога из слоновой кости были полны до краев пурпурными аметистами, а рога, которые были из меди, – халцедонами и карнерилами. Колонны из кедрового дерева были увешаны нитками рысьих глаз ' (рысий глаз – драгоценный камень), на овальных плоских щитах там были груды карбункулов, иные такого цвета, как вино, другие такого, как трава. И все же я описала едва ли десятую часть того, что было в этом тайном чертоге.

И сказал мне Султан, отнимая руки от лица:

– Здесь хранятся все мои сокровища. Половина сокровищ твоя, как и было обещано мною. Я дам тебе верблюдов и погонщиков, которые будут покорны тебе и отвезут твою долю, куда только ты пожелаешь. Все это будет исполнено нынче же ночью, ибо я не хочу, чтобы отец мой, Солнце, увидел, что живет в моем городе тот, кого я не в силах убить.

Но я сказала Султану в ответ:

– Золото это твое, и серебро это тоже твое, и твои эти драгоценные камни и все эти несметные богатства. Этого ничего мне не надобно. Я ничего не возьму от тебя, только этот маленький перстень на пальце твоей руки.

Нахмурился Султан и сказал:

– Это простое свинцовое кольцо. Оно не имеет никакой цены. Бери же свою половину сокровищ и скорее покинь мой город.

– Нет,— ответила я,— я не возьму ничего, только этот свинцовый перстень, ибо я знаю, какие на нем начертания и для чего они служат.

И, вздрогнув, взмолился Султан:

– Бери все сокровища, какие только есть у меня, только покинь мой город. Я отдаю тебе также и свою половину сокровищ.

И странное я совершила деяние, но о нем не стоит говорить,— и вот в пещере, на расстоянии дня отсюда, я спрятала Перстень Богатства. Туда только день пути, и этот перстень ожидает тебя. Владеющий этим перстнем богаче всех на свете царей. Поди же возьми его, и все сокровища мира — твои.

Но юный Рыбак засмеялся.

– Любовь лучше Богатства! — крикнул он.— А маленькая Дева морская любит меня.

– Нет, лучше всего Богатство! — сказала ему Душа.

– Любовь лучше! — ответил Рыбак и погрузился в пучину, а Душа, рыдая, побрела по болотам.

х х х

И снова, по прошествии третьего года, Душа пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из пучины и сказал:

– Зачем ты зовешь меня? И Душа ответила:

– Подойди ко мне ближе, чтоб я могла с тобой побеседовать, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

И Душа сказала ему:

– Я знаю один город. Там есть над рекою харчевня. Там я сидела с матросами. Они пили вина обоих цветов, ели мелкую соленую рыбу с лавровым листом и уксусом и хлеб из ячменной муки. Мы сидели там и веселились, и вошел какой-то старик, и в руках у него был кожаный коврик и лютня с двумя янтарными колышками. Разостлав на полу коврик, он ударил перышком по металлическим струнам своей лютни, и вбежала девушка, у которой лицо было закрыто чадрой, и стала плясать перед ними. Лицо ее было закрыто кисейной чадрой, а ноги у нее были нагие. Нагие были ноги ее, и они порхали по этому ковру, как два голубя.

Ничего чудеснее я никогда не видала, и тот город, где она пляшет, отсюда на расстоянии дня.

Услыхав эти слова своей Души, вспомнил юный Рыбак, что маленькая Дева морская совсем не имела ног и не могла танцевать.

Страстное желание охватило его, и он сказал себе самому: "Туда только день пути, и я могу вернуться к моей милой".

И он засмеялся, и встал на отмели, и шагнул к берегу.

И когда он дошел до берега, он засмеялся опять и протянул руки к своей Душе. А Душа громко закричала от радости, и побежала навстречу ему, и вселилась в него, и молодой Рыбак увидел, что тень его тела простерлась опять на песке, а тень тела – это тело Души.

И сказала ему Душа:

– Не будем мешкать, нужно тотчас же удалиться отсюда, ибо Боги Морские ревнивы, и есть у них много чудовищ, которые повинуются им.

х х х

И они поспешно удалились, и шли под луною всю ночь, и весь день они шли под солнцем, и, когда за вечерело, приблизились к какому-то городу.

И сказала Душа ему:

– Это не тот, а другой. Но все же войдем в него. И они вошли в этот город и пошли бродить по его улицам, и, когда проходили по улице Ювелиров, молодой Рыбак увидел прекрасную серебряную чашу, выставленную в какой-то лавчонке.

И Душа его сказала ему:

– Возьми эту серебряную чашу и спрячь. И взял он серебряную чашу и спрятал ее в складках своей туники, и они поспешно удалились из города. И когда они отошли на расстояние мили, молодой Рыбак насупился, и отшвырнул эту чашу, и сказал Душе:

– Почему ты велела мне украсть эту чашу и спрятать ее? То было недоброе дело.

– Будь покоен,— ответила Душа,— будь покоен.

К вечеру следующего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак снова спросил у Души:

– Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И Душа ответила ему:

– Это не тот, а другой. Но все же войдем в него. И они вошли в этот город и пошли по улицам его, и, когда проходили по улице Продающих Сандалии, молодой Рыбак увидел ребенка, стоящего у кувшина с водой.

И сказала ему его Душа:

– Ударь этого ребенка.

И он ударил ребенка, и ребенок заплакал; тогда они поспешно покинули город.

И когда они отошли на расстояние мили от города, молодой Рыбак насупился и сказал Душе:

– Почему ты повелела мне ударить ребенка? То было недоброе дело.

– Будь покоен,— ответила Душа,— будь покоен! И к вечеру третьего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак сказал своей Душе:

– Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И Душа сказала ему:

– Может быть, и тот, войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли по улицам его, но нигде не мог молодой Рыбак найти ни реки, ни харчевни. И жители этого города с любопытством взирали на него, и ему стало жутко, и сказал он своей Душе:

– Уйдем отсюда, ибо та, которая пляшет белыми ногами, не здесь.

Но его Душа ответила ему:

– Нет, мы останемся здесь, потому что ночь теперь темная и нам встретятся на дороге разбойники.

И он уселся на площади рынка и стал отдыхать, и вот прошел мимо него купец, и голова его была закрыта капюшоном плаща, а плащ был из татарского сукна, и на длинной камышине держал он фонарь из коровьего рога.

И сказал ему этот купец:

– Почему ты сидишь на базаре? Ты видишь: все лавки закрыты и тюки обвязаны веревками.

И молодой рыбак ответил ему:

– Я не могу в этом городе отыскать заезжего двора, и нет у меня брата, который приютил бы меня.

– Разве не все мы братья? – сказал купец. – Разве мы созданы не единым Творцом? Пойдем же со мною, у меня есть комната для гостей.

И встал молодой Рыбак, и пошел за купцом в его дом. И когда, через гранатовый сад, он вошел под кров его дома, купец принес ему в медной лохани розовую воду для омовения рук и спелых дынь для утоления жажды и поставил перед ним блюдо рису и жареного молодого козленка. По окончании трапезы купец повел его в покой для гостей и предложил ему отдохнуть и опочить. И молодой Рыбак благодарил его, и облобызал кольцо, которое было у него на руке, и бросился на ковры из козьей крашеной шерсти.

И когда он укрылся покровом из черной овечьей шерсти, сон охватил его.

И за три часа до рассвета, когда была еще ночь, его Душа разбудила его и сказала ему:

– Встань и поди к купцу, в ту комнату, где он почивает, и убей его, и возьми у него его золото, ибо мы нуждаемся в золоте.

И встал молодой Рыбак, и прокрался в опочивальню купца, и в ногах купца был какой-то кривой меч, и рядом с купцом, на подносе, было девять кошель золотом. И он протянул свою руку и коснулся меча, но, когда он коснулся его, вздрогнул купец и, воспрянув, сам ухватился за меч и крикнул молодому Рыбаку:

– Злом платишь ты за добро и пролитием крови за милость, которую я оказал тебе? И сказала Рыбаку его Душа:

– Бей!

И он так ударил купца, что купец упал мертвый, а он схватил все девять кошельков золота и поспешно убежал через гранатовый сад, и к звезде обратил лицо, и была та звезда – звезда Утренняя.

И, отойдя от города, молодой Рыбак ударил себя в грудь и сказал своей Душе:

– Почему ты повелела убить этого купца и взять у него золото? Поистине ты злая Душа!

– Будь покоен,– ответила она,– будь покоен!

– Нет,– закричал молодой Рыбак,– я не могу быть покоен, и все, к чему ты понуждала меня, для меня ненавистно. И ты ненавистна мне, и потому я прошу, чтобы ты мне сказала, зачем ты так поступила со мной?

И его Душа ответила ему:

– Когда ты отослал меня в мир и прогнал меня прочь от себя, ты не дал мне сердца, потому и научилась я этим деяниям и, полюбила их.

– Что ты говоришь!–вскричал Рыбак.

– Ты знаешь,– ответила его Душа,– ты сам хорошо это знаешь. Или ты позабыл, что ты не дал мне сердца? Полагаю, что ты не забыл. И посему не тревожь ни себя, ни меня, но будь покоен, ибо не будет той скорби, от которой бы ты не избавился, и не будет того наслаждения, которого бы ты не изведal.

И когда молодой Рыбак услышал эти слова, он задрожал и сказал:

– Ты злая, ты злая, ты заставила меня забыть мою милую, ты соблазнила меня искушениями и направила мои стопы на путь греха. И его Душа отвечала:

– Ты помнишь, что, когда ты отсылал меня в мир, ты не дал мне сердца. Пойдем же куда-нибудь в город и будем там веселиться, потому что мы обладаем теперь девятью кошельками золота.

Но молодой Рыбак взял эти девять кошельков золота и бросил на землю и стал их топтать.

– Нет! – кричал он. – Мне нечего делать с тобою, и я с тобою не пойду никуда, но как некогда я прогнал тебя, так я прогоню и теперь, ибо ты причинила мне зло.

И он повернулся спиной к луне и тем же коротким ножом с рукоятью, обмотанной зеленой змеиной кожей, попытался отрезать свою тень у самых ног. Тень тела – это тело Души.

Но Душа не ушла от него и не слушала его повелений.

– Чары, данные тебе Ведьмою, – сказала она, – уже утратили силу: я не могу отойти от тебя, и ты не можешь меня отогнать.

Только однажды за всю свою жизнь может человек отогнать от себя свою Душу, но тот, кто вновь обретает ее, да сохранит ее во веки веков, и в этом его наказание, и в этом его наказание, и в этом его награда.

И стал бледен молодой Рыбак, сжал кулаки и воскликнул:

– Проклятая Ведьма обманула меня, ибо умолчала об этом!

– Да,—ответила Душа,—она была верна тому, кому служит и кому вечно будет служить.

И когда узнал молодой Рыбак, что нет ему избавления от его Души и что она злая Душа и останется с ним навсегда, он пал на землю и горько заплакал.

х х х

И когда был уже день, встал молодой Рыбак и сказал своей Душе:

– Вот я свяжу мои руки, дабы не исполнять твоих велений, и вот я сомкну мои уста, дабы не говорить твоих слов, и я вернусь к тому месту, где живет любимая мною, к тому самому морю вернусь я, к маленькой бухте, где поет она свои песни, и я позову ее и расскажу ей о зле, которое я совершил и которое внушено мне тобою.

И его Душа, искушая его, говорила:

– Кто она, любимая тобою, и стоит ли к ней возвращаться? Есть многие прекраснее ее. Есть танцовщицы-самарисски, которые в танцах своих подражают каждой птице и каждому зверю. Ноги их окрашены лавзонией, и в руках у них медные бубенчики. Когда они пляшут, они смеются, и смех у них звонок, подобно смеху воды. Пойдем со мною, и я покажу их тебе. Зачем сокрушаться тебе о грехах? Разве то, что приятно вкушать, не создано для

вкушающего? И в том, что сладостно пить, разве заключается отрава?

Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в другой город. Есть маленький город неподалеку отсюда, и в нем есть сад из тюльпанных деревьев. В этом прекрасном саду есть павлины белого цвета и павлины с синею грудью. Хвосты у них, когда они распускают их при сиянии солнца, подобны дискам из слоновой кости, а также позолоченным дискам. И та, что дает им корм, пляшет, чтобы доставить им радость; порою она пляшет на руках. Глаза у нее насурьмленные; ноздри как крылья ласточки. К одной из ее ноздрей подвешен цветок из жемчуга. Она смеется, когда пляшет, и серебряные запястья звенят у нее на ногах бубенцами. Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в этот город.

Но ничего не ответил молодой Рыбак своей Душе, на уста он наложил печать молчания и крепкою веревкою связал свои руки, и пошел обратно к тому месту, откуда он вышел, к той маленькой бухте, где обычно любимая пела ему свои песни. И непрестанно Душа искушала его, но он не отвечал ничего и не совершил дурных деяний, к которым она побуждала его. Так велика была сила его любви.

И когда пришел он на берег моря, он снял со своих рук веревку, и освободил уста от печати молчания, и стал звать маленькую Деву морскую. Но она не вышла на зов, хотя он звал ее от утра до вечера и умолял ее выйти к нему

И Душа насмеялась над ним, говоря:

– Мало же радостей приносит тебе любовь. Ты подобен тому, кто во время засухи льет воду в разбитый сосуд. Ты отдаешь, что имеешь, и тебе ничего не дается взамен. Лучше было бы тебе пойти со мною, ибо я знаю, где Долина Веселий и что совершается в ней.

Но молодой Рыбак ничего не ответил Душе. В расселине Утеса построил он себе из прутьев шалаш и жил там в течение года. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и каждую ночь призывал ее снова. Но она не поднималась из моря навстречу ему, и нигде во всем море не мог он найти ее, хотя искал и в пещерах, и в зеленой воде, и в оставленных приливом затонах, и в ключах, которые клокочут на дне.

И его Душа неустанно искушала его грехом и шептала о страшных деяниях, но не могла соблазнить его, так велика была сила его любви.

И когда этот год миновал. Душа сказала себе: "Злом я искушала моего господина, и его любовь оказалась сильнее меня. Теперь я буду искушать его добром, и, может быть, он пойдет со мною".

И она сказала молодому Рыбаку:

– Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твое. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы ее сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты

иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокаженные бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. По большим дорогам скитаются нищие, и сумы их пусты. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот. Пойдем же, пойдем – избавим людей от всех бедствий, чтобы в мире больше не было горя. Зачем тебе медлить здесь и звать свою милую? Ты ведь видишь, она не приходит. И что такое любовь, что ты ценишь ее так высоко?

Но юный Рыбак ничего не ответил, ибо велика была сила его любви. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и по ночам он призывал ее снова. Но она не поднималась навстречу ему, и нигде во всем море не мог он ее отыскать, хотя искал ее в реках, впадающих в море, и в долинах, которые скрыты волнами, и в море, которое становится пурпурным ночью, и в море, которое рассвет оставляет во мгле.

И прошел еще один год, и как-то ночью, когда юный Рыбак одиноко сидел у себя в шалаше, его Душа обратилась к нему и сказала:

– Злом я искушала тебя, и добром я искушала тебя, но любовь твоя сильнее, чем я. Отныне я не буду тебя искушать, но я умоляю тебя, дай мне войти в твое сердце чтобы я могла слиться с тобою, как и прежде.

– И вправду, ты можешь войти, – сказал юный Рыбак, – ибо мне сдается, что ты испытала немало страданий, когда скиталась по миру без сердца.

– Увы! – воскликнула Душа. – Я не могу найти входа, потому что окутано твое сердце любовью.

— И все же мне хотелось бы оказать тебе помощь,— сказал молодой Рыбак, И только он это сказал, послышался громкий вопль, тот вопль, который доносится к людям, когда умирает какой-нибудь из Обитателей моря. И вскочил молодой Рыбак и покинул свой плетеный шалаш, и побежал на побережье. И черные волны быстро бежали к нему и несли с собою какую-то ношу, которая была белее серебра. Бела, как пена, была эта ноша, и, подобно цветку, колыхалась она на волнах. И волны отдали ее прибою, и прибой отдал ее пене, и берег принял ее, и увидел молодой Рыбак, что тело Девы морской простерто у ног его. Мертвое, оно было простерто у ног.

Рыдая, как рыдают пораженные горем, бросился Рыбак на землю, и лобызал холодные алые губы, и перебирал ее влажные янтарные волосы. Лежа рядом с ней на песке и содрогаясь, как будто от радости, он прижимал своими темными руками ее тело к груди. Губы ее были холодными, но он целовал их. Мед ее волос был соленым, но он вкушал его с горькою радостью. Он лобызал ее закрытые веки, и бурные брызги на них не были такими солеными, как его слезы.

И мертвой принес он свое покаяние. И терпкое вино своих речей он влил в ее уши, подобные раковинам. Ее руками он обвил свою шею и ласкал тонкую, нежную трость ее горла. Горько, горько было его ликование, и какое-то странное счастье было в скорби его.

Ближе придвинулись черные волны, и стон белой пены был как стон прокаженного. Белоснежными когтями своей пены море вонзалось в берег. Из чертога Морского Царя снова донесся вопль, и далеко в

открытом море Тритоны хрипло протрубили в свои раковины.

– Беги прочь,— сказала Душа,— ибо все ближе надвигается море, и, если ты будешь медлить, оно погубит тебя. Беги прочь, ибо я охвачена страхом. Ведь сердце твое для меня недоступно, так как слишком велика твоя любовь. Беги в безопасное место. Не захочешь же ты, чтобы, лишенная сердца, я перешла в иной мир.

Но Рыбак не внял своей Душе; он взывал к маленькой Деве морской.

– Любовь,— говорил он, — лучше мудрости, ценнее богатства и прекраснее, чем ноги у дочерей человеческих. Огнями не сжечь ее, водами не погасить. Я звал тебя на рассвете, но ты не пришла на мой зов. Луна слышала имя твое, но ты не внимала мне.

На горе я покинул тебя, на погибель свою я ушел от тебя. Но всегда любовь к тебе пребывала во мне, и была она так несокрушимо могуча, что все было над нею бессильно, хотя я видел и злое и доброе. И ныне, когда ты мертва, я тоже умру с тобою.

Его Душа умоляла его отойти, но он не пожелал и остался, ибо так велика была его любовь. И море надвинулось ближе, стараясь покрыть его волнами, и, когда он увидел, что близок конец, он поцеловал безумными губами холодные губы морской Девы, и сердце у него разорвалось. От полноты любви разорвалось его сердце, и Душа нашла туда вход, и вошла в него, и стала с ним, как и прежде, едина. И море своими волнами покрыло его.

х х х

А наутро вышел Священник, чтобы осенить своею молитвою море, ибо оно сильно волновалось. И пришли с ним монахи, и клир, и прислужники со свечами, и те, что кадят кадилами, и большая толпа молящихся.

И когда Священник приблизился к берегу, он увидел, что утонувший Рыбак лежит на волне прибоя, и в его крепких объятьях тело маленькой Девы морской, И Священник отступил, и нахмурился, и, осенив себя крестным знамением, громко возопил и сказал:

– Я не пошлю благословения морю и тому, что находится в нем. Проклятие Обитателям моря и тем, которые водятся с ними! А этот, лежащий здесь со своей возлюбленной, отрекшийся ради любви от господина и убитый правым господним судом,— возьмите тело его и тело его возлюбленной и схороните их на Погосте Отверженных, в самом углу, и не ставьте знака над ними, дабы никто не знал о месте их упокоения. Ибо прокляты они были в жизни, прокляты будут и в смерти.

И люди сделали, как им было велено, и на Погосте Отверженных, в самом углу, где растут только горькие травы, они вырыли глубокую могилу и положили в нее мертвые тела.

И прошло три года, и в день праздничный Священник пришел во храм, чтобы показать народу раны господни и сказать ему проповедь о гневе господнем.

И когда он облачился в свое облачение, и вошел в алтарь, и пал ниц, он увидел, что престол весь усыпан цветами, дотоле никем не виданными. Странными они были для взора, чудесна была их красота, и красота эта смутила Священника, и сладостен был их аромат. И безотчетная радость охватила его.

Он открыл ковчег, в котором была дарохранительница, покадил перед нею ладаном, показал молящимся прекрасную облатку и покрыл ее священным покровом, и обратился к народу, желая сказать ему проповедь о гневном господнем. Но красота этих белых цветов волновала его, и сладостен был их аромат для него, и другое слово пришло на уста к нему, и заговорил он не о гневном господнем, но о божьей, чье имя – Любовь. И почему была его речь такова, он не знал.

И когда он кончил свое слово, все бывшие во храме зарыдали, и пошел Священник в ризницу, и глаза его были полны слез. И дьяконы вошли в ризницу, и стали разоблачать его, и сняли с него стихарь, и пояс, и орарь, и епитрахиль. И он стоял как во сне.

И когда они разоблачили его, он посмотрел на них и сказал:

– Что это за цветы на престоле и откуда они? И те ответили ему:

– Что это за цветы, мы не можем сказать, но они с Погоста Отверженных. Там растут они в самом углу. И задрожал Священник, и вернулся в свой дом молиться. И утром, на самой заре, вышел он с монахами, и клиром, и прислужниками, несущими свечи, и с теми, которые кадят кадильницами, и с большою толпою

молящихся, и пошел он к берегу моря, и благословил он море и дикую тварь, которая водится в нем. И Фавнов благословил он, и Гномов, которые пляшут в лесах, и тех, у которых сверкают глаза, когда они глядят из-за листьев. Всем созданиям божьего мира дал он свое благословение; и народ дивился и радовался. Но никогда уже не зацветают цветы на погосте Отверженных, и по-прежнему весь Погост остается нагим и бесплодным.

И Обитатели моря уже никогда не заплывают в залив, как бывало, ибо они удалились в другие области этого моря.

1891 год

\

Влияние сказки

Рыбак и его душа

Эмбиент-опера по мотивам Оскара Уайльда.
Музыка Валентина Дубовского
на стихи Натальи Пискуновой.

<http://www.dubovskoy.net/page79.htm>

ЭПИЛОГ

Музыка Валентина Дубовского,
стихи Натальи Пискуновой

Исполнители ролей ведьм:

Раковина на дне, солнце роняет стрелы.
Есть ли ещё во мне жемчуг молочно белый,
спрятанный между двух створок сердца покатых...

Исполнители ролей купцов:

Плавают наверху призрачные фрегаты,

Исполнитель роли Священника:

плавает в глубине кто-то велик и мудр...
Есть ли ещё во мне радужный перламутр?

Исполнитель роли Рыжей ведьмы:

Чтоб сединой в висок, всё отпустить без грусти,
чтоб превратить песок в горстку тяжёлых бусин.

Исполнитель роли Морской девы:

Всё оплатить сполна, кровью – любую цену...
Вынесет нас волна в белом подоле пены.

Исполнитель роли Души:

Сети и плавники рядом мелькнут проворно,
выберут рыбаки тонкие наши зёрна.

Исполнитель роли Рыбака:

С правдой наедине, вновь вопрошу несмело:
есть ли ещё во мне жемчуг

Все вместе:

молочно-белый?

Интернет-источники:

Уайлд Оскар – Рыбак и его душа

<http://poesias.ru/proza/uayld-oskar/uayld-oskar10020.shtml>

Марина Айриянц «Душа и Любовь Рыбака. Оскар Уайльд в "Школе драматического искусства"»

<http://artrepriza.ru/theatre/dram/1181-dusha-i-lyubov-rybaka-oskar-uayld-v-shkole-dramaticheskogo-iskusstva.html>

Материалы Википедии, свободной энциклопедии
ru.wikipedia.org

Иллюстрации к сказке – Мария Тихомирова

<https://illustrators.ru/users/id74745>

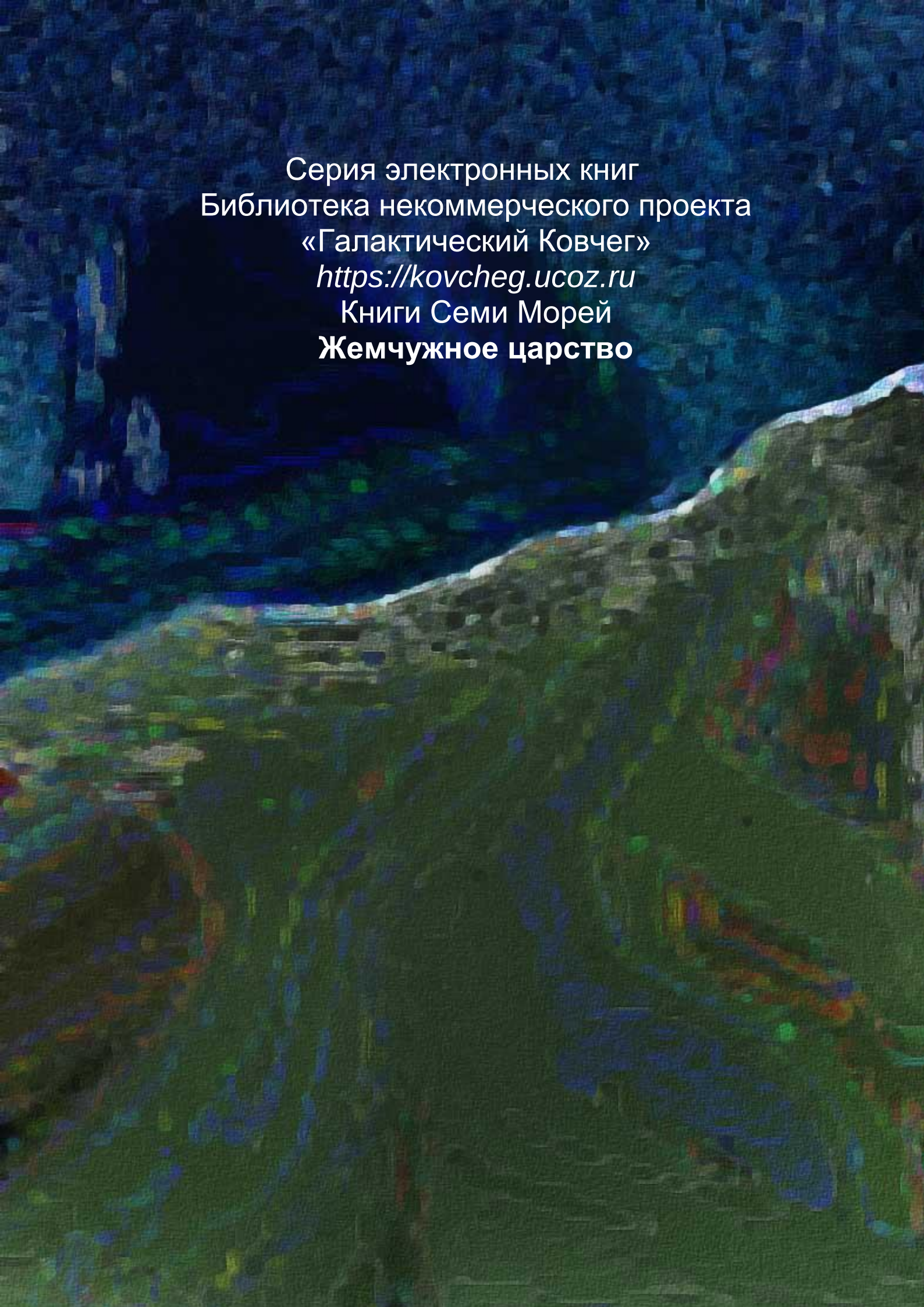
Эмбиент-опера по мотивам Оскара Уайльда (В.Дубовский, Н.Пискунова) <http://www.dubovskoy.net/page79.htm>

Уайлд Оскар – Заветы молодому поколению

https://royallib.com/book/uayld_oskar/zaveti_molodomu_pokoleniyu.html

Наталья Пискунова <https://tutu20000.wixsite.com/piskunova>,
<https://stihi.ru/avtor/yasupernat>

Серия электронных книг
Библиотека некоммерческого проекта
«Галактический Ковчег»
<https://kovcheg.ucoz.ru>
Книги Семи Морей
Жемчужное царство